

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • КУЛЬТУРА

Строчно в номер!

Газетная антология современных поэтов, которых не
стыдно читать

17:38, 30 апреля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Этот материал вышел в специальной вкладке номера 17
«Новая газета. Журнал»

Сергей Плотов

Сергей Плотов родился в мае 1961 года в городе Омске. По образованию — актер драматического театра. Работал в театрах России — от Хабаровска до Челябинска. С 2005 года живет в Москве. Поэт, драматург, сценарист.

Сергей Плотов. Фото: novat.ru

Ангелы проживают
в своих облаках роскошных.
Дотуда не докричаться.
/Оттуда не дозвониться.
А радость они посылают
людям в собаках и кошках.
В собаках быстрее доходит.
В кошках дольше хранится.

Я недавно беседу имел с котом,
Так как кот в настроении был как раз.
Он сказал, что нет никакого «потом» —
Лишь «сейчас и здесь», только «здесь и сейчас».

Что коты эту мудрость знают давно:
Если ты спокоен, весь мир — эскорт,
Что прекрасно просто смотреть в окно,
Что в коробках тайна, а в миске корм.

Хочешь есть — поешь. Хочешь спать — ложись.
Одолеют мысли — лицо умой.
А девятая жизнь — лишь девятая жизнь,
Что-то вроде пятой или седьмой.

— Но потом — я воскликнул — потом-то смерть!..
Кот зевнул, небрежно махнул хвостом,
И сказал, живота умывая мех:
Ты забыл, что нет никакого «потом».

Летчику до востребования

Привет. Почему-то решил тебе написать.
Хоть ты меня, должно быть, давно забыл.
Я — тот чудак, что просил тебя рисовать
Барашка в наморднике. Ты ошарашен был,

Но рисовал. Спасибо. Прости за напряг.
Был в депрессии и цеплялся за всё подряд.
Потому что сдуру сделал неверный шаг
И не знал, как эту херню отмотать назад.

Но теперь я в порядке. Закаты всё веселей.
Вулканы спят — хоть из пушек по ним стреляй.
Кстати, с Розой у нас — серебряный юбилей.
Хочешь — поздравь. Не хочешь — не поздравляй.

Ты удивишься, наверное, только я

Помню в деталях ту ночь, когда я свалил.
Ко мне тогда по барханам ползла змея.
Это был уж. Я по пятнышкам определил.

Я сперва следил за тобой. Потом перестал.
Потому что решил заняться своей судьбой.
Вроде ты ушел в географы, забухал,
Даже был фонарщиком, а после стал деловой.

Молодец. Ты всегда на жизнь смотрел королем.
Я был маленьким, но тогда уже понял — ты
Обязательно вырулишь, вылетишь за окном.
Состоишься. Расправишь крылья своей мечты.

Ты еще рисуешь удавов, съевших слонов?
Я рисунки те до сих пор не могу забыть.
Я стал реже смеяться. И больше не вижу снов.
Это возраст, да?.. Наверное. Может быть.

Вот сижу и перебираю всё, что имел.
Астронома прошу: «Заметь меня, астроном!»
Ну, пока. Пиши. Если что — это мой e-mail.
Ты хоть смотришь на небо — там, за твоим окном?..

Баобабы прополоты. Над головой звезда.
В нашей почве на днях нашли дорогой металл...
Ты летаешь еще? Прошу — напиши, что да.
Если нет — соври. Просто я хочу, чтоб летал.

Старче, уймись, чудака, расшнуруй ботинки.
Есть в кисете табак. В холодильнике есть сардинки.

На дворе непогода. Присядь, махни алкоголя.
Жили тридцать лет и три года — чего же боле?

Помнишь — встретил ее днем осенним, сырым, паскудным?
Всё случилось мгновенно. Мгновение было чудным.
С той поры ты стал ее постоянной тенью.
Да подаришь ты это корыто на женский день ей!

От добра не ищут добра — так не зря говорится.
Для тебя-то она все время была царицей.
И дышала она туманами и духами,
Даже если суп готовила с потрохами.

Тридцать лет и три года — мгновенных, как птицы росчерк.
Вон — другие живут не лучше, но ведь не ропщут.
Ну пойдешь ты сейчас туда — делать сказку былью
И найдешь приключений себе на башку ковылью.

Если что-то тянется столько лет — значит, так и надо.
Обними за плечи ее — то-то будет рада.
Знаешь, старче, забудь уже ты про эту рыбку.
Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.

Вопросы в воздух

Не кури, а то сопьешься.
Не дури, а то заплачешь.
Черный ворон, что ты вьешься?
Глупый пингвин, что ты прячешь?

Дева тешит до предела —
В курсе каждый Чикатило.
Подскажите, что нам делать?
Сколько брать, чтоб всем хватило?

Кто стучится к милой в терем?

Чей костер в тумане светит?
Говорят, что ясень в теме.
Только ясень хрен ответит.

На дорожку

Перед тем как выходить — посиди,
Помолчи, перекрестись и ступай.
Встретишь черного кота — обойди.
Встретишь красного коня — искупай.

Встретишь шавку на цепи — отстегни.
Попадется серый волк — прокатись.
Встретишь синего вола — не спугни.
Встретишь певчего дрозда — насладись.

Если куш сорвешь — потрать, не скупись.
Если снова станешь гол — не беда.
Встретишь мертвого дружка — не бойсь,
Но бухать с ним не садись никогда.

Как состаришься — не злись и не ной.
Ночь настанет — постарайся уснуть.
Погуляешь — возвращайся домой.
Все понятно?.. Ну тогда — в добрый путь.

Герман Лукомников

Герман Лукомников — поэт, прозаик, перформер, переводчик, автор-исполнитель стихов и песен, актер. Один из составителей «Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (2002) и антологии «Русские стихи 1950–2000 годов» (2010; сетевая версия пополняется по сей день).

Герман Лукомников. Фото: hmtk.ru

Новые газетные стихи

Май 2025 — январь 2026

Сосед, едрена мать,
Тупица и урод,
Не хочет понимать,
Что мы один народ.

тот же лес тот же воздух и та же вода
только он перестал быть собою

чутье не обмануло

говно не утонуло

Ерог Зайцвё

Ерог Зайцве (Егор Зайцев) (р. 1995, Новосибирск) — поэт, переводчик, перформансист, автор книг художника и публикаций в сетевых изданиях. Принадлежит к неоавангарду, традиции визуальной поэзии. Преподаватель немецкого языка.

Ерог Зайцве. Фото: prosodia.ru

ой
случайно нажалось
на жалость

я против жертв

но я против жертв

язык человеческий
знаю в несовершенстве

если все же возропщу
я вам сразу сообщу

я критически осмыслю
то о чем вообще не мыслю

делу время
но не все
же время

ничего не поделаешь
мир прекрасен

Юлий Гуголев

Юлий Гуголев родился в 1964 г. Поэт, телеведущий. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал на скорой помощи и в Московской делегации Международного комитета Красного Креста. Автор книги палиндромов и шести книг стихов. Сделал новый перевод зонгов «Трехгрошовой оперы» Б. Брехта в МХТ (режиссер Кирилл Серебренников). Лауреат Большой премии «Московский счет» (2007) и премии «Поэзия» (2020).

Юлий Гуголев. Фото: соцсети

Стихи опубликованы в журнале «Пятая волна», написаны после 2022 года

А земля... а что земля?
как бумага, всяко стерпит.
Любишь ли ее, без ...?
Чуешь ли сердечный трепет?

Чей ты будешь, пешеход
или же автолюбитель?
Ты ль зияющих высот
Вечный Жид и местный житель?

Ты живешь, как в первый раз,
ты не троллишь, не газлайтишь,
ты за воду, свет и газ
жизнью собственной заплатишь.

Ты, не ведая стыда
и сомняшеся ничтоже,
не заметишь сам, когда
эти хари, эти рожи,

эти слепки наших дней,
эти ботоксные рыла
станут ближе и родней
как для тружеников тыла,

так и для фронтовиков,
смерти рекрутов бессрочных.
Вот пожил и был fuck off.
На часах твоих песочных,

от брегетов земляных
до кровавых до курантов
дан отсчет времен иных
не для прозы лейтенантов,

а затем, чтоб хоть в душе
чувствовать себя мишенью,
потому что «все — ужé»,
как сказала в утешенье...,

чтоб дыханье затая,
замечать обиняками,
что дымится под ногами
не чужая, а своя.

Ни про кого, про это место,
про сами улицы, ландшафт,
чего нас, в качестве контекста,
и захотят, а не лишат;

про этот грязный, ноздреватый,
еще недавно свежий снег,
намерзший клочковатой ватой
в глазах у всех... ну не у всех;

про оживленные бульвары,
про гам торговых площадей,
про то, что мы еще не стары,
про то, что все, как у людей,

про то, что время на исходе,
про то, какое же говно,
как утверждается в народе,
и книга ваша, и кино

про то, кем вырастут подростки,
что вот уже который год
мерещится на перекрестке
один и тот же пешеход,

и про поля, про перелески,
про беглый промельк спящих дач,
чьи очертания нерезки,
про стук колес и бабий плач,

про вещмешки и про погоны,
и про вокзальные гудки,
и про вагоны, про вагоны,
про переправу у реки,

про то, как чернозем лоснится,
который жрать им полным ртом,
про то, что нужен тут Лозница,
но это как-нибудь потом,

когда они домой вернутся,
не узнавая адреса,
и с нами где-нибудь столкнутся
лицом к лицу, глаза в глаза.

Не в том ведь соль, чтоб ты их понял,
не в том, чтоб в душу им проник.
Им просто дорог сам топоним,
ведь люди любят, чтоб про них.

Страницу протокола
да истины зерно,
безволие глагола,
когда черным-черно,

и чем там пол был залит,
и чей там глаз залит,
ни вы нам не сказали б,
ни мы вам не смогли б.

Страдание залога,
отсутствие лица,
и вроде ждать немного,
до самого конца.

Чего ж прикажешь ждать нам,
всем тем, кто сам не рад,
сотрудникам внештатным,
— когда зачислят в штат?

Когда отцу и сыну
в клокочущую муть,
в кровавую трясину,
как в зеркало, взглянуть?

А матери и дочери
пусть понапрасну ждут
тех, кто поодиночке
уже не пропадут?

Да им уж безразлично,
ты брат им иль не брат,
в чем виноват ты лично,
и ты ли виноват,

ведь разберешь едва ли
среди ўрок и катал,
тебя ли закатали
иль сам ты накатал,

рубанок ты иль стружка,
ответчик ли, истец,
Царь-Колокол, Царь-Пушка,
Царь-Поезд, Царь!

Вадим Жук

Вадим Жук родился в 1947 году в Ленинграде. Работал художественным руководителем театра «Четвертая стена» в Санкт-Петербурге. Вместе с Михаилом Жванецким вел телепередачу «Простые вещи», на «Радио России» вел передачу «Слушать подано!». Снимался в фильмах Александра Сокурова, Игоря Масленникова и Владимира Хотиненко, написал сценарии к нескольким мультфильмам.

Вадим Жук. Фото: соцсети

Не спит, не спит художник.
Сидит художник, ест.
Уже он уничтожил
все сущее окрест.
Готов сжевать художник
и то, и то, и то.
Ревучий внедорожник,
Рублевское шато.
И остров в дальнем море,
и сорок юных жен.
Но счастьем или горем
художник не снабжен.

Великий дар жеванья
был дан ему с небес.
А сопережеванье

совсем другой процесс.
И вот он стал похожим
на силуэт Кремля.
Не спит, не спит художник,
талантливая тля.
Кресты и обереги,
раздолье и размах!
И косточки коллеги,
застрявшие в зубах.

Как соскучились в отечестве по стуку-то,
По доносу, по родимому, по бабушке.
За века себе набили руку-то
Добровольцы — ладушки и чадушки.

И посыпались в Лубянку зерна,
Жеребцам и серому и чалому.
Ячменем посыпались отборным
Сбереженные недоступалочки.

Пробудились дошлые и ушлые,
Засыпают ведомство депешами.
Ах ты, моя радость гэпэушная,
Счастье мое энкавэдэшное.

Я могу без тебя. Оказалось, могу.
Как незрячий по плоскому глобусу шарю:
Ты в каком-таком городе? На каком берегу?
И в каком изо всех полушарии?

Нам святее, чем библия или коран,
В расстояньях пробитые окна
Signal messendger или whatsApp*, telegram —

Мы же рядом, мы будто бы около.

Кто бы раньше подумал! А вот погляди —
Как сыграло проклятое «как бы».
Как бы вместе. Сиди по экрану скреби.
Не снесешь эту хрупкую дамбу.

И уже не дано нам делиться теплом,
Лишь словами, словами, словами.
Мы как рыбы за толстым прозрачным стеклом
Прижимаясь к стеклу головами.

Друг другу рады, как дети обновам,
На набережной почти у Кремля,
Встретились ведомые Крысоловом
С крысами сбежавшими с корабля.

О чем там пели, за что там пили,
Христу кадили, славили Будду?
Кого сожрали, кого утопили —
Меня там не было — врать не буду.

Ангелы не меряются крылами.
Не сжигает дизельное пламя
Ангельскую душу Херувиму
В зависти и злобе к Серафиму.
И не важно, на каком он фланге,
И в каком он звании и ранге,
На каком он Божьем этаже.
Потому что — ангел это ангел.
Просто ангел. Сразу и уже.

* Входит в компанию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ.

Этот материал вышел в семнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.